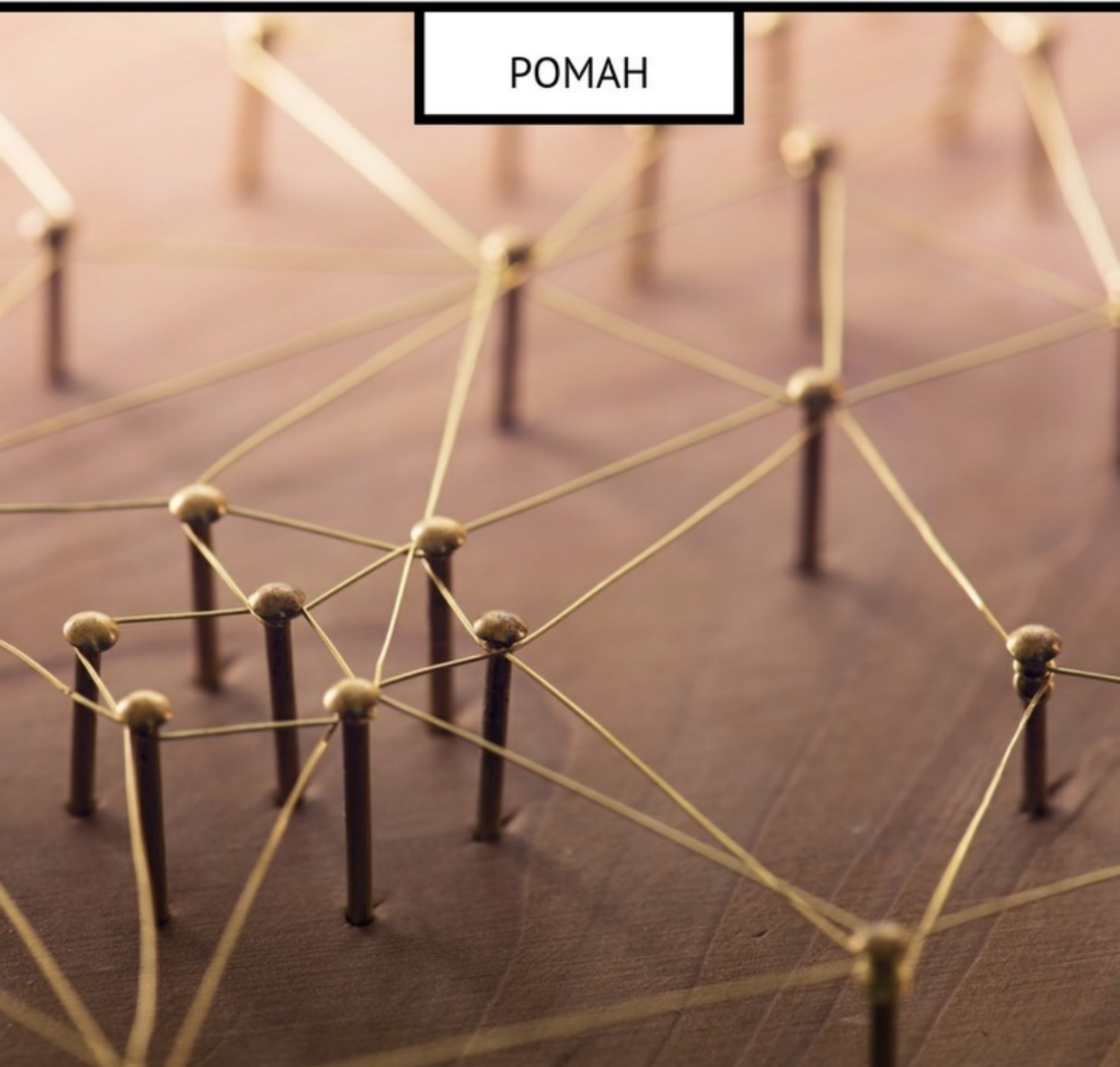

СЕРГЕЙ ДОЛЖЕНКО

Государственная безопасность

РОМАН

Сергей Долженко

**Государственная
безопасность. Роман**

«Издательские решения»

Долженко С.

Государственная безопасность. Роман / С. Долженко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832122-1

В степном поселке на окраине Советской империи погибает молодая девушка. Смерть выглядит как несчастный случай до тех пор, пока не находятся еще жертвы неизвестного убийцы. К расследованию подключается всевидящее око государства — местное управление комитета госбезопасности, преследующее собственные цели... Роман написан в жанре психологического триллера, где его главный герой в силу вынужденных обстоятельств поднимается до уровня осмысления метафизики бытия.

ISBN 978-5-44-832122-1

© Долженко С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	15
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Государственная безопасность

Роман

Сергей Долженко

© Сергей Долженко, 2016

ISBN 978-5-4483-2122-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Урмас стоял на крыльце поссовета в бесполезной тени карагачей и терпеливо ждал, пока его не позовут. Над Тар-тарами солнце, казалось, проходило наиболее низко, и от нестерпимого жара самый воздух был сух и горек.

Заявление на выписку покрывалось пятнами от потных пальцев, но в приемную заходить не хотелось – из открытых и подпертых шваброй дверей несло легким тошнотным запахом отсыревших за весну стен и половиц.

– Эй, парень! – окликнули его из низкого оконца.

Урмас вошел в полутемную комнату секретаря. Занавески истерто-розового цвета, неразборчивые портреты и плакаты на стенах... на сейфе стеклянный кувшин с мутной коричневой водой, в которой плавал обезображенный смертью цветок.

Секретарь сидела за узким, как операционная кушетка, столом.

– Что у тебя?

– Выписаться надо, – подал он заявление.

– Кому надо? Мне? – взяла бумагу, прочитала, вытащила из сейфа картотеку.

– И куда ты собрался?

– Домой.

– Так, ты у нас молодой специалист. По направлению. Нет, выписать не могу.

– Почему?

– Пусть на заявлении директор школы распишется, что не возражает.

– Но по закону его подпись не нужна, – заволновался Урмас, сознавая, что спорить с ней бесполезно, во-первых; во-вторых, директор скоро не распишется, если вообще распишется...

– По какому закону? – подозрительно спросила она.

– По союзному...

– Вот езжай в свой Союз и выписывайся, – отрезала она и повернулась к окну – волоча за собой клубы желтой пыли, к поссовету подъехал остроносый «пазик». Заскрипел, застучал двигателем и смолк.

Секретарь проворно вскочила и, забыв о нагловатом просителе, побежала на выход. Урмас вздохнул, поднялся. Зайти в школу требовалось и потому, что там лежал его диплом.

Из автобуса выбрались двое милицейских и седенький, перепачканный глиной фельдшер. В салоне сидели рослые улыбающиеся девицы.

Фельдшер кричал им:

– Оставляйтесь, дивчата, женихов у нас море!

– Таких, как ты, что ли? – с хохотом отзывались те.

– Нашли? – спрашивала секретарь милицейских.

– Да, – лаконично ответил один, полный флегматичный казах. Урмас знал его – участковый Казарбаев.

– На дамбе?

– Под дамбой.

Второй милицейский, русский капитан с белыми, точно у проваренной рыбы, глазами, приказал водителю:

– Давай, Абишь, на Целинную сходи за родителями. Протокол опознания надо составить. А ты, Серафимовна, не суетись, проводи-ка лучше девчонок в столовую...

– Ладно, Евгений Михайлович, я только одним глазком...

Урмас, сам не зная почему, остановился у раскрытой двери «пазика» и неотрывно смотрел на кусок темно-зеленой клеенки, видневшийся сквозь мельтешение загорелых исцарапанных ног выпрыгивающих девиц.

– У-у, бабоньки мои! – восклицал фельдшер. – Красавицы, комсомолки, аквалангистки...

В автобусе Серафимовна запричитала:

– Батюшки! Это кто ж такой гад отыскался? У нее же пол-лица съехало...

Урмаса крепко схватили за локоть. Он дернулся от неожиданности и обернулся. Держал его капитан.

– Вы кто такой?

– Савойский. Урмас.

– Помню, – медленно произнес капитан, хотя по его глазам нельзя было вывести, чего он помнит, чего нет. – Учитель, да?

– Я недолго работал...

– В вашем классе Гамлетдинова училась?

– Галинка? – Урмас с ужасом посмотрел на автобус и торопливо сказал: – Я этот класс всего два дня вел.

– Он вам нужен, Евгений Михайлович? – вмешалась секретарь.

Капитан ей не ответил.

– Значит, так, учитель, зайди сегодня в РОВД после обеда в двенадцатый кабинет.

– Он седня выписаться хотел, – не утерпела Серафимовна.

– Понял?

– Да, конечно, – испуганно ответил Урмас, стараясь не смотреть на автобус. – Обязательно...

И следом за аквалангистками пошел к центру поселка. Не выдержал, оглянулся. Оба милицейских с отрешенностью смотрели на него...

Центр Тар-тар находился недалеко от своих окраин. Посередине асфальтовой площадки с роскошного гранитного постамента дешевенький гипсовый Ильич указывал рукой на два бело-кирпичных двухэтажных здания – райкома и райисполкома. За ними красно-известковый барак почты со вдрызг разбитой входной дверью; а далее... а далее совсем ничего – одна степь с пылевыми облаками от машин и раскаленным, дрожащим небом, в которое, как две швейные иголки, упирались блестящие рельсовые пути...

В правую сторону от Урмаса находилась типовая школа, окруженная кое-где орнаментной оградой из бетона. На участке белеющие прутья тополей весеннего посада, ржавые футбольные ворота... А дальше опять ничего, кроме знойного дрожания воздуха и степи – на тысячи непреодолимых километров. Налево гляделось веселей: два-три магазинчика, за которыми железная дорога с крошечной, как трансформаторная будка, станцией и пятикорпусный элеватор stodvadcatipiatimetrovoj высоты. Под вечер в тени его упрятывался весь Тар-тар с его четырьмя параллельными улицами и двумя тысячами жителей...

В школу Урмас идти не хотел. До сих пор не верилось, что он – педагог. Чушь! Бредовое стечение обстоятельств. Окончив Уральский политехнический, он не успел подсутиться с открепляющими справками и загремел аж в Тургайские степи. Не удержался и в областном центре – его перебросили в Тар-тары, но и в районном управлении «Казсельхозтехника» места не нашлось. Ехать в совхоз – в районе их девять – отказался категорически, пригрозив даже голодовкой. Тогда временно, до вакансии, его пристроили в школу преподавателем начальной военной подготовки.

– Бросьте! – рассмеялся он в ответ на это предложение директора школы. – Я и автомата в руке сроду не держал.

– Не может быть, – опешил директор. – Все держали автомат.

– Перед вами исключение, – сообщил Урмас, располагаясь в необыкновенно мягком кресле. Помнится, он даже ногу за ногу заложил. Как раз вошла завуч и едва челюсть из расхлопнутого рта не потеряла, увидев его в такой позе. Если б тогда знать, что кресло это предназначалось единственно для начальствующих гостей и никто, включая самого директора, не смел в нем сидеть. Савойского, однако, уверили в том, что учить военному делу он будет десятиклассников всего пару недель, оставшихся до выпускных экзаменов.

– Годится, – снисходительно согласился он.

Пару недель! Урмаса и через неделю здесь не будет, поскольку должна пройти одна комбинация...

До встречи в РОВД оставалось полтора часа, и он подумал, что неплохо бы пообедать.

Михаилу Барыкину, корреспонденту районной газеты «Красный колос», в девять ноль-ноль позвонили из райисполкома и попросили зайти в комнату для приезжих. Вероятно, он сильно побледнел или как-то нехорошо изменился в лице, поскольку сидящая напротив Гуля Ибрагимова, тоже корреспондент, спросила участливо:

– Плохие новости?

– Нет-нет, с чего ты взяла? – перепугался он. Хотя ему через полгода исполнялись все двадцать лет, лицом, надо откровенно признать, владел хуже некуда.

Миша с минуту тщательно изучал свой материал (написанный еще вчера и вчера же вычитанный), затем ненатурально потянулся и громко сообщил:

– Схожу-ка я в книжный.

– Будет что интересное, возьми на меня, – отозвалась Гуля.

– Ладно.

Он вышел из редакции – плохо беленого барака, стоящего за спиной поссовета, зашел для маскировки в сортир, дощатую двойную будку с вырезанными в дверцах огромными буквами М и Ж, выскочил оттуда, преследуемый роем липких сине-желтых мух...

«Ох, ну я и сглупил! – переживал Миша. – Завоз в книжный буквально вчера был...»

Время от времени незаметно оглядываясь, то есть, приседая, якобы поправить шнурочный узел, Миша направился в сторону магазинов, зашел в пару из них, чтобы отметить перед продавцами и, убедившись, что запутал возможных преследователей, неспешным прогулочным шагом пошел в райисполком. Потом спохватился, что медленный шаг в деловые утренние часы как раз и вызовет подозрения, перешел на бодрую рысь.

В вестибюле, к его огромному облегчению, никто из знакомых не встретился. Он прошел по коридору первого этажа с видом случайно попавшего сюда человека, оглянулся и быстро постучал в крайнюю налево дверь. Та мгновенно отворилась и так же мгновенно закрылась за ним.

– Добрый день! – поздоровался с Мишей незнакомый ему улыбчивый молодой человек, крутоплечий, в белой рубашке с коротким рукавом.

– Здравствуйте, – шепотом ответил Миша.

– Вы, наверное, догадались, откуда я и почему такая конфиденциальность?

– Конечно. Мне же сказали в приемной, что мне позвонят и со мной встретятся...

– Тогда будем знакомы.

Молодой человек вынул толстую бордовую книжицу и, раскрыв её, приблизил к лицу Барыкина. Но Миша от непреходящего волнения не смог не то что буквы разобрать – фотографию толком не разглядел...

– Старший лейтенант УКГБ СССР по Тургайской области Сергей Николаевич Меньшиков.

– Угу, – кивнул Миша, забыв представиться в ответ. Но этого и не потребовалось. Номер был двухместным. На одной кровати лежал пухлый заношенный портфель Сергея Николаевича, на другую он сел сам, предложив кресло Барыкину.

– Хочу тебя поздравить, Михаил, – торжественно начал лейтенант. – Информация о способах хищения зерна на вашем элеваторе, которую ты доставил к нам в приемную, обладает исключительной ценностью.

– Лишь бы помогло, – загорячился юный корреспондент. – При уборке урожая путем обвеса, снижения качества, сортности зерна каждую машину обкрадывают на триста – пятьсот килограммов... Потом этим зерном покрывают свою бесхозяйственность, пускают на взятки нужным людям...

– Могу заверить, – мягко перебил Сергей Николаевич, – твоя информация проанализирована, отправлена на Верх, и выводы по ней сделают уже в масштабе всей республики.

– Большое спасибо! – с жаром воскликнул Миша. – Ведь мы у врагов закупает сорок миллионов тонн зерна! Когда сами...

Меньшиков снова, очень деликатно, перебил:

– Если бы каждый советский человек помогал нам, как ты, то мы жили бы намного богаче. Понимаешь?

– О нашей несознательности можно тома наговорить, – с неподдельной горечью сказал корреспондент. – Приедешь в совхоз, а люди от блокнота, словно от ножа бегут...

– Мы, – Сергей Николаевич встал, поднялся и Миша, побледнев от дыхания Великих перемен, – то есть Комитет государственной безопасности Советского Союза, предлагаем тебе подумать о совместной работе...

– Что я могу? В чем работать?

– По всем вопросам, которыми занимается советская контрразведка, – просто сказал Сергей Николаевич и сел. Опустился в кресло и Миша.

– Но вы же шпионов ловите? – робко спросил Барыкин. – У меня нет специального образования...

– У тебя несколько туманное представление, чем занимается современная разведка, – без малейшей укоризны в голосе сказал лейтенант. – Сейчас очень внимательно послушай. Никаких записей. Только запоминай...

В столовой было нечем дышать. Мокрые, как из парной, толстогубые раздатчицы двигали гигантские кастрюли с супом – в янтарных жировых лужицах плавали мертвые мухи; другие серые разбойницы облепляли тюль на окнах, ржавые лопасти неработающих вентиляторов...

Урмас взял стакан яблочного компота, салат из квашеной капусты и сел рядом со сдвинутыми столами – за ними шумно обедали аквалангистки. Они то говорили о некоем Арслане, который вряд ли заплатит обещанные полста рублей за эту командировку, то со смешками переругивались...

– Что ж ты, Валька, мертвяка не подстраховала? У меня едва сердце не оборвалось, когда он вырвался у тебя... Ума нет, считай – калека!

– Тебе что! Ей, бедолаге, пол-лица кормой отхватило...

– Зачем ей лицо? – лениво парировала Валька, подвижная, как мяч, толстушка. – Родичи в морге на лапу дадут, еще лучше сделают...

Урмас отодвинул салат, чрезмерно политый подсолнечным маслом, подумал, отпил теплой, еле пахнувшей яблоком, воды, встал и пошел к выходу.

– Тише болтай! – услышал вслед громкий шепот. – Человеку аппетит испортила...

– Значит, есть не хотел, – беззастенчиво ответили шепоту.

На улице Урмасу показалось прохладнее, хотя в это время светило своим раскаленным брюхом почти ложилось на Тар-тары...

Он пересек центр, с содроганием посмотрев на беззащитную гипсовую темень Ленина, прошел между зданиями КПСС и Советской власти, обогнул терриконовую вышку золы у котельной и побрел к РОВД по изрытому весенними колеями пустырю, на котором тлел грудой мусор и режуще блестели битые стекла...

В милиции, за плексигласовой перегородкой, сидел дежурный, пожилой лейтенант в синей застиранной рубашке с погонами.

– Чего надо? – хмуро спросил он.

– Меня в двенадцатый кабинет вызвали...

– Фамилия?

– Савойский.

– Ну, иди, Савойский, раз вызвали... Второй этаж направо.

Нужный кабинет с табличкой «Зам. начальника РОВД» оказался запертым. Да и на всем этаже никого.

Урмас походил, рассматривая стенды и плакаты на стенах. Остановился возле одного – на атеистическую тему. С плохих черно-белых фоторепродукций глядели длиннобородые старики с сумрачными глазами, и рядом – заплаканные дети. В статье под ними Урмас прочитал, что эти преступные старики являлись главарями христианских сект и пытались сжечь заплаканных детей в обрядовых целях. В заключительном абзаце приводились статьи УК за вовлечение несовершеннолетних в религиозную деятельность.

Его вдруг окликнул тихий девичий голос:

– Урмас Оттович, у вас нет с собой сигареты?

Он тут же обернулся, но во всем коридоре по-прежнему никого не было. Подождал в недоумении, и ему показалось, что за одной из дверей кто-то стоит настороженно, переминаясь с ноги на ногу...

Подошел, открыл эту дверь – за ней тесный туалет, и из бывшей там проволочной корзины для мусора выскочила рыжая голохвостая тварь...

Урмас моментально отскочил – крыс он боялся до смерти...

«От жары не то еще почудится», – подумал, успокаиваясь...

Появились какие-то люди, застрекотала машинка в приемной начальника РОВД, пришел и вызвавший его капитан. Был он сейчас в штатском, но выглядел ненамного веселей.

«Евгений Михайлович» – вспомнил Урмас.

Спустя полчаса его пригласили. Капитан записал в протокол допроса анкетные данные и спросил:

– Когда вы в последний раз видели Гамлетдинову?

Спросил и, неотрывно и, не моргая, уставился на Урмаса.

– Сегодня какое число, Евгений Михайлович?

– Называйте меня – гражданин следователь, – сказал капитан. – Сегодня десятое июля.

– Уволился я восьмого... Шестого, последний раз я видел её шестого июля.

– При каких обстоятельствах?

– Понимаю... Меня поставили классным руководителем над 10 «б». Зря поставили... Я только второго был принят на работу, и то – временно. Я не знаю, зачем Аманжолов, директор, так распорядился... Я предупреждал, что сюда ненадолго, у меня мама болеет, и вот вот могут по справке отозвать...

– Короче.

– Меня представили классу. На Галю, то есть Гамлетдинову, я сразу обратил внимание, на неё нельзя не обратить внимания, очень незаурядная девушка... Знаете, красота – тоже талант, усилие... Многие бывают привлекательны, но как бывает привлекателен дом, у кото-

рого лишь фасад отреставрирован, а внутри все заброшено... Галя красива именно своим душевным движением. Её красота – в улыбке, в прищуре глаз, в привычке смеяться...

– Еще короче.

– Да, конечно... Шестого числа на большой перемене в учительскую пришла техничка и сказала, что в девичьем туалете старшеклассницы курят, ругаются... Аманжолов послал завуча, Алевтину Федоровну, меня, еще одну преподавательницу, не помню, как её звать, это, наверное, легко установить... Нет, я в туалет сам не заходил вначале. Женщины их выгнали всех, переписали... потом Алевтина Федоровна сказала, что Гамлетдинова демонстративно не выходит, манкирует... и ты, мол, как классный, поговори с ней. Ну, я зашел. Она сидит на подоконнике, ногу на ногу закинула, как в журнале, и губы красит. Молчит и поглядывает, что я буду делать... Потом она сказала... она сказала... – холодея, повторил Урмас. Он вспомнил, что ему сказала Галинка. Она спросила: «Урмас Оттович, у вас нет с собой сигареты?»

– Дальше, – приказал капитан.

За все время он не переменил позы, не отводил от Урмаса своих бесчувственных глаз, не выказал ни интереса, ни равнодушия. И записывал мало, лишь делал пометки.

– Ну, она послушалась и вышла. Все. Больше я её не видел, потому что в этот же день пришла телеграмма о болезни матери, и я стал увольняться. А секретарь поссовета требует, чтобы на заявлении о выписке расписался сам Аманжолов. А он меня увольнять не хочет, говорит, отпуск дам до сентября, а там возвращайся... Разве это по закону?..

– Где живешь?

– Элеваторная, дом двенадцать. Мне хозяйка, Лайкова, комнату сдала...

– По вечерам с Гамлетдиновой встречался?

– Как я мог? Вы что? Я видел Галю всего два раза... когда урок вел, и вот второй раз...

Евгений Михайлович продолжал смотреть на Урмаса, но вопросов больше не задавал. Молчание между ними повисло на несколько минут. Затем он долго заполнял какие-то бланки и три из них дал Урмасу.

– Почему так много?

– Протокол. Внизу распишись: «С моих слов записано верно». А это подписка о невыезде. Поставь подпись. И завтра к двум ко мне – вот повестка. Теперь свободен...

«Свободен», – подавленно повторял Урмас всю обратную дорогу.

Дом его хозяйки, саманный, давно не беленный, крытый ржавыми железными листами, с окнами у самой земли, находился неподалеку от поссовета. Двор, как и почти все дворы Тар-тар, где не проживали украинцы или немцы, выжжен солнцем до черноты и завален хламом. Лишь колодец – а колодцы представляли собой врытые в глину емкости – накрыт новой клеенкой. Еще рос во дворе невысокий тополь с оголенным белым верхом.

Урмас постоял у двери – в сенях мерно гудели мухи, и, казалось, там скорбно переговаривались неведомые существа. Отокнул замок, прошел в свою скудно обставленную комнату: никелированная панцирная кровать с высокими спинками, буфет под невысокий потолок – был он настолько покрыт липкой грязью, что Савойский старался не задевать его; низкая печь с обвалившейся вокруг заслонок замазкой, два стула и лавка вдоль стены, крытая сложенным вдвое бесцветным от пыли половиком. В другую комнату, хозяйкину, он никогда не заходил. Да и саму хозяйку никогда не видел. Переговоры о найме вел с соседом, жилистым одноруким мужичком, Гадием Алексеевичем. Дверь в её комнату была всегда закрыта, из-под низу несло сладковатым гнилостным запахом... Оттуда иногда слышались какие-то вздохи, бормотанья, впрочем, сразу стихавшие, когда Урмас начинал двигаться.

«Свободен, – говорил он задумчиво, выкладывая из эмалированного ведра на стол продукты – консервы, хлеб, бутылку молока, превратившегося в простоквашу. – Первый, кто сказал мне, что я свободен, оказался милицейским начальником...»

...В оконце резко постучали, почти тут же задержали в сенях запертую дверь.

Урмас вскочил с кровати, зажег настольную лампу, привезенную с собой. Надо же, опять проспал до самого вечера, и незаметно, хотя всего-навсего прилег подумать...

В сенях опять сильно и молча дернули дверь.

– Иду! – крикнул он, заторопился, больно ушиб ногу о ведро, которое с оглушительным кастрюльным звоном покатилося по полу...

Вернулся с молоденькой женщиной. Она вошла так же, как в первый раз, смеясь и рассказывая все, что приходило ей в голову.

– На твоём месте любой мужик бы страшно гордился – из-за него такая прекрасная татарочка утопилась... Или ходил бы мрачный и настороженный – по слухам, ты кровожадный маньяк...

Урмас, не слушая Нинель, заправлял постель, взбивал подушку...

– Перестань прибираться, а то мне покажется, что я дома, что у меня в мойке груда посуды, нестиранное белье...

– А почему Диман не пришел?

– Откуда я знаю? Он же у нас номенклатура...

Урмас встал, озадаченный. Диман был единственным человеком в Тар-тарах, который мог ему помочь.

– Seriously, где он?

– Сейчас на партхозактиве, затем поедет в «Ленинский», – ответила Нинель, снимая блузку, освобождаясь от модной ситцевой юбки...

– Не переживай, завтра он должен быть на работе... Помоги расстегнуть, пожалуйста, – повернулась к нему спиной.

Урмас смутился и покраснел.

– Слушай, ты можешь где-нибудь в другом месте раздеваться? К тому же я не умею...

– Нет, не могу, – равнодушно сказала она, – в другом месте меня могут не понять.

Скатила с бедер трусики и, совершенно нагая, села на кровать. Туфельки Нинель не снимала – брезговала ходить босиком по Урмасову жилью.

После минутного блаженного молчания она сказала:

– Переезжал бы к нам, у нас все равно две комнаты пустуют... Тебе что, здесь нравится?

– Нина, о чем ты говоришь? Мне не сегодня-завтра уезжать...

– Мне тоже Диман говорил, не сегодня-завтра... – подразнила Нинель.

– Понимаешь, когда вышел облом со свободным направлением, мы с мамой сразу договорились: едва станет известен мой новый адрес, она сходит к знакомому врачу, возьмет справку о своей болезни и даст сюда телеграмму, а здесь обязаны освободить меня от отработки...

– Запомни, Урмасик, тут тебе никто и ничего не обязан...

– Нина, я не должен быть здесь, я это чувствую, всем собой, что нет меня здесь... еще когда ехал сюда, еще когда получал направление... Такое чувство, будто я поскользнулся и в круг двумя ногами попал...

– Ой, чем холоднее на улице, тем у тебя жарче, – Нинель встала, – и простыни липнут так противно... Рассказывай, рассказывай, а я все-таки приберусь у тебя...

Урмас забеспокоился:

– Нет, давай чайку лучше попьем... у вас чай индийский свободно продается...

Он направил свет настольной лампы точно между ними. Резкие тени падали от крошек, и световой кружок казался черно-белой фотографией неведомого пейзажа.

– Видишь круг? Это самая страшная геометрическая фигура. В нем находиться нельзя – всякий круг, не встречая внутри себя сопротивления, стремится к сужению в точку, в смерть.

Поэтому мы вынуждены ежечасно, ежесекундно раздвигать его границы, причем с такой же скоростью, с какой он сужается...

– Ты попроще...

– Пожалуйста. Первый круг – наше тело, в котором заключена душа; второй – временное ограничение нашей жизни... третий – человеческое пространство замкнуто земным – планетой, на которой мы живем...

– Ну, это в общем...

– Могу конкретнее... Человек сидит дома. Он тоже находится в кругу, но с весьма зыбкими, условными границами, поскольку может в любое время выйти куда угодно... вот он идет на улицу, допустим, там гололед, по шоссе проносятся машины...

– И попадает под одну из них...

– Будь внимательней... вот он сходит с тротуара, поскользывается и попадает... в круг! Он не может теперь пойти куда угодно, сообразно своим желаниям... вот эти метр на полтора, в которых он сейчас находится, из которых пытается выбраться, и есть его последний круг, уменьшающийся с той скоростью, с какой несется на него машина!

Урмас привстал и наклонился к ней.

– Все. Машина в нескольких сантиметрах от шеи человека и...

– Перестань! – вскрикнула она в испуге. – С такими мыслями, как у тебя, чокнуться можно!

Урмас странно посмотрел на неё, сел, но молчать побоялся. Едва он замолкал, в хозяйкиной комнате бормотанье, всхлипы возобновлялись, и, казалось, приближались к двери...

– Кстати, – сказал он, улыбнувшись, – ученые открыли, что для нашей памяти нет разницы, состоялось событие действительно или ты его ярко и эмоционально вообразил...

В сенях грохнуло...

Урмас насторожился, Нинель рассмеялась:

– Крысы...

– Не говори о крысах к вечеру, я их боюсь!

– Это потому, что ты с ними не живешь... Мне старожилы рассказывали, что раньше в Тар-тарах крыс вообще не было. А когда зерно пошло, они пришли сюда из Аркалыка. Шли долго, длинной серой лентой...

– Хватит, Нина!

– Представляешь, перед походом состоялось крысиное партсобрание, на котором в повестке дня стоял вопрос о дальнейшем улучшении крысиной жизни; крыса-Брежнев читал доклад, потом крысиное Политбюро вынесло решение...

Пока у Лайковой беседовали, в доме на противоположной стороне улицы занимались отнюдь не праздными делами.

Миша Барыкин сидел за прекрасным темно-полированным столом, купленным матерью, когда его приняли в редакцию. Перед ним лежал чистый лист писчей бумаги, но записывать свои мысли не мог – в данный момент они составляли строжайшую государственную тайну.

Что раньше он знал о ГБ? Кто-то говорил, что комитетчики ходят на демонстрации и всякие политические мероприятия и следят там за порядком. В газетах писали, что они ловят шпионов и валютчиков. Из скупых откровений наезжавших областных газетчиков Миша усвоил, что идти против КПСС опасно... говорить против можешь сколько угодно, вон, эту партию костерят все, кому не лень – от совхозных партторгов до последних тартаринских бичей, – но так, между собой... а если листовки начнешь сочинять или с оружием выступать... ну, это и дураку было понятно... Но откуда Барыкин мог знать, что сотни тысяч

людей в полном подполье напряженно трудятся день и ночь, и это в условиях мира и мощного развитого государства? Почему?

Улыбнувшись, Сергей Николаевич разделил чертой лист бумаги и сказал: «Вот тень, вот свет. Где работают наши противники?» – Конечно, в тени, – подтвердил Миша. – «Вот и мы должны погрузиться в тень, чтобы встретиться с ними».

Журналист был крупно разочарован. Он полагал, что ему выдадут красную книжицу и он, не только как газетчик, но и как представитель суровой меченосной организации, будет бороться с недостатками... «Никаких удостоверений. Никто и ни при каких обстоятельствах не должен знать, что ты работаешь на нас!» – сказал Наставник.

Часового разговора хватило на то, чтобы лоб горел как от высокой температуры. Государственная безопасность, контрразведка – эти слова кого угодно могли лишить покоя!

Он достал припрятанную сигарету – еще стеснялся курить в открытую при матери – и вышел во двор.

На вершине элеватора горел красный фонарик, где-то топилась баня, и горький дым наплывал тонкими прозрачными лентами; в сарае умиротворенно хрипели кабанчики, укладываясь на ночлег... понизу тянуло ночной сыростью... и к Мише вернулось спокойствие и даже недостойный скептицизм.

«Какие тут шпионы могут быть? – вдруг подумал он. – Я понимаю, где-нибудь в Москве, Прибалтике, скажем... а здесь, у нас?»

Надо же, разговор с Наставником длился всего около часу, вопросов он родил – тысячу! Почему именно Барыкин оказался нужен, в чем будет его работа, сумеет ли он без специальных знаний, придется ли ему уходить из газеты на конспиративную работу... о! и дальше такая тьма наплывала, что три дня, которые должны были пройти до следующей встречи, казались больше чем вечностью...

2

Где-то в шесть утра Урмас не спал. Мешало солнце, даже сквозь темные занавески высвечивающее ярко всю комнату; неподалеку долго и нудно заводили трактор: сначала включали пускач, и тот бил поршнем, как кувалдой, на весь поселок, срывался, начинал опять, пока, наконец, долгожданно густо и ровно не затарахтел дизель – тут Урмас чуть не заснул, да по улице поехала первая машина, захлопали калитки, комната нагревалась, и когда Урмас ступил на пол, тот уже был горячим.

Он зашел в бело-кирпичное здание КПСС без двадцати восемь, надеясь перехватить Димана пораньше, но, как оказалось, опоздал: того вызвали к Первому.

Ждать пришлось долго, хорошо, его затащила к себе в кабинет Майрам, зав. школьным сектором, и, напоив чаем, долго и смешно уговаривала стать школьным комсоргом, хотя бы на полставки.

– Не смогу, – сокрушенно отвечал на её доводы Урмас.

– Почему? Работа интересная, все время с людьми... У нас учатся замечательные ребята. Ты не думай, два с половиной процента наших выпускников поступают в московские и ленинградские вузы, десять процентов в алма-атинские...

– Нет, для такой работы особая ответственность нужна, не только педагогическая, но и партийная, комсомольская!

– А у тебя что, такой ответственности нет? – с надеждой спрашивала она.

– Нет, – прямо и грустно отвечал Урмас. – Хуже, я ведь человек безыдейный, и, больше того, – перешел на жуткий шепот, – совсем не верю в коммунизм...

– Скажешь тоже, – удивилась Майрам. – Это ты отговорки придумываешь...

Диман появился на секунду, попросил его обязательно подождать и вновь пропал, на этот раз в своем кабинете, куда на «аппарат», так называлось совещание, потянулись все сотрудники райкома... И лишь к обеду приятель освободился. Правда, за это время он несколько раз выглядывал, шепотом просил подождать еще минуту и опять пропадал на полчаса...

В приемной непрерывно звонил телефон, изредка заходили какие-то бойкие молодые люди, всегда в галстуке и с красными делегатскими папками...

Но когда Урмас вышел по нужде на улицу, тар-таринское пространство встретило его, как и прежде, огромной сияющей пустотой – от зенита до всех горизонтов... редко кто появлялся на улицах; на самой площади стояли два запыленных уаза, и... и все! Откуда шли в райком телефонные звонки, откуда в нем появлялись прилично одетые люди?..

– Кошмар! Уборка скоро, затащали нас всех, – замучено сообщил Диман Урмасу, когда, освободив сотрудников, заперся с ним в кабинете. Из холодильника, декорированного пленкой под полированное дерево, достал бутылку минеральной, два смирзшихся бутерброда с колбасой и двухсотграммовый пузырек медицинского спирта.

– Прямо на работе? – испугался Урмас.

– Не на твоей же... – улыбнулся Диман. – Давай, за все хорошее...

Они выпили.

– Ты можешь мне серьезно помочь, – сообщил Урмас, вытирая набегающие слезы.

– Хорошо, давай еще по маленькой, и разберемся...

Но прошла еще одна маленькая, и только когда Диман расслабленно вытянулся в своем руководящем кресле, выставив длинные ноги на середину ковровой дорожки, Урмас рассказал о своих проблемах.

– Знаю я, конечно, Аманжолова, – вздохнул Диман. – Дряннь порядочная... Но! Понимать я его понимаю – люди ему позарез нужны. У нас по району не хватает уймы специалистов.

– Дим, ты ведь член бюро райкома партии, что тебе стоит позвонить Аманжолову и намекнуть, что он не должен меня задерживать?

– Могу, – опять вздохнул Диман, – а потом он сообщит Первому, что комсомол, вместо того, чтобы поставлять кадры...

– Понятно... А ничего нельзя придумать? Послать меня, скажем, в мой Уральск по комсомольской путевке на работу?

Урмас спросил по инерции, он начал признаваться себе, что со скорым отъездом у него не получается...

Диман добросовестно ответил:

– Вышло постановление бюро ЦК ЛКСМ о том, что из нашей области, еще из пары других, никуда нельзя посылать по путевкам, даже на БАМ... Давай еще чуток, да надо отсюда сваливать потихоньку...

Они допили, прибрались и один за другим, почти воровским образом, покинули райком и пошли к Диману.

Вместе с Нинель он жил в двухэтажном доме неподалеку. В дом тот была проведена вода, отопление шло от райкомовской котельной, и жили в нем одни уважаемые люди...

– Уеду я, наверное, – тоскливо сказал Урмас.

Сидели они полуголые на кухонном полу, разливали водку, которая в изобилии водилась у Димана, зажевывали едва пожаренными кусками мяса, и тар-таринская жара теперь почти не угнетала их – неизвестно, как чувствовал себя Диман, Урмас от выпитого парил, как легкий дым...

– Как ты на работу устроишься? Ни диплома, ни трудовой...

– Придумаю... Где-нибудь грузчиком... новую трудовую выпишут.

– А с милицией разобрался?

И сразу вес Урмасовского тела увеличился настолько, что он ощутил, как отлежал себе предплечье...

– Уже знают?

– У нас в одном конце Тар-тар чихнешь, с другого...

– ...здоровствовать пожелают?

– Нет, на х... пошлют, – Диман засмеялся. – Здесь такие девочки есть, а на бл... мне приходится в город ездить...

– Давай выпьем, – предложил Урмас, и Диман с удовольствием открыл еще одну бутылку.

– Нам Нинель ничего не скажет?

– Скажет, – убежденно произнес Диман. – Матом обложит, что без неё квасим.

– Может, подождем?

– Она сегодня в Аркалык уехала, не знаю, когда и вернется...

Выпили. Пошло на удивление хорошо. Будто не водка, а родниковая вода лилась в обожженное горло.

– Найду я убийцу, – сказал Урмас.

– Где? – очень серьезно спросил Диман.

– Знаю... я знаю, где и кого надо искать...

– Ну, тогда флаг тебе в руки и барабан на шею... – засмеялся Диман.

Урмас не обиделся на дешевую комсомольскую присказку – тар-таринский Первый был мировой парень и единственный, с кем Савойский близко сошелся за свое недельное

пребывание в этом заброшенном за край мира поселке. Диман как раз находился в райсельхозуправлении, когда Урмас объявлял голодовку. И он тогда посоветовал до вакансии пристроиться где-нибудь здесь, в райцентре. Ну, а злосчастная школа всплыла потом, без его участия.

– Ну что, поедем? – вдруг делово предложил Диман; попытался резко подняться, но с первого раза у него не получилось, только сбил табуретку.

– Поехали, – так же делово и озабоченно согласился Урмас. – И куда?

– Счас, сосредоточусь. Так... Ага. Сначала затаримся у одной, потом в город... есть там хорошие знакомые.

Они оделись, страшно суетясь и бегая по квартире, точно собирались в большой поход. Но когда спустились, придерживая друг друга на шаткой деревянной лестнице, и вышли на улицу, то обоих охватило сильнейшее изумление – там была глубокая ночь. Посмотрели на небо, но оно, блещущее звездами, точно хрустальная многосвечевая люстра, вращалось настолько быстро, что они враз опустили глаза. Да и земля вела себя неустойчиво: при каждом их неловком движении края её, то есть крыши домов, сараев с одной стороны, с другой – мрачный, словно средневековый замок, элеватор, начинали то опускаться, то подниматься...

– Да, чуток не рассчитали, – констатировал Урмас.

– Все нештук, днем в нашем виде и близко показываться нельзя, – сказал Диман.

– Счас поедем, – он направился к гаражу, в котором стоял его «жигуль», подаренный тещей.

Пока Диман сбивал замок, ключ он забыл дома и возвращаться категорически не хотел, Урмас прислонился к теплым доскам сарая и с наслаждением вдыхал ночной, на полынном настое степной воздух...

Потом он не мог вспомнить, завели они машину или нет, ехали куда-то или пили у её колес... Нет, все-таки они, кажется, куда-то поехали, и там была полная женщина в ночнушке, и Диман целовал её при муже... Урмаса поили чаем, и он зачем-то стащил из сахарницы горстку конфет... а-а, стащил потому, что его попросил Диман, пообещав, что они сейчас немедленно выезжают в Аркалык к знакомым веселым девочкам... но вместо города они оказались на совершенно пустой степной дороге и потом безо всякого перехода попали в гости к фурмановскому парторгу, который повез их в подлинную казахскую юрту, и там они сидели, поджав ноги, пили кумыс и водку, медленно, с достоинством тянули с подноса куски мяса, посыпанные кружочками запаренного лука...

Но вот что совершенно отчетливо запомнил Урмас и мог вспомнить слово за словом, так это следующее:

– Я понимаю, почему ты её шлепнул, – заявил ему на ухо в той юрте Диман. – У меня на свою иногда такая злость поднимается, что, кажется, еще немного и убил бы... Конечно, проблем потом масса, и думаешь... а, пусть живет...

Урмас никак тогда не отреагировал на его первые слова, потому что сразу их не услышал, а вспомнил только потом, вот почему он лишь сказал Диману:

– Напрасно ты думаешь, что я могу с чужой женщиной... Нет, никак нельзя так думать обо мне... понимаешь, она у тебя немножко странная на первый, обывательский взгляд, а на самом деле ведет себя очень естественно, для себя, конечно... так этим её качеством гордиться можно...

Но Диман, наверное, не слушал его, так как что он сказал в ответ, Урмас вспомнить не мог.

Вернулся Савойский к себе на квартиру поздним вечером. Каким образом? Черт его знает... просто ощутил себя тихим и трезвым, когда под многозвездным небом спустился с дороги к своей калитке. Его оконце светилось неряшливой желтизной.

«У меня гости?» – слегка удивился он.

Но запах, встретивший его, был нежилым. Тот самый запах, который едва сочился из-под дверей хозяйкиной комнаты, теперь густой непрошибаемой волной плыл по комнате.

Гость и вправду был. Самый неожиданный. Посередине на стуле сидел, широко и уверенно расставив ноги, грузный и непроницаемый, будто степной истукан, участковый Казарбаев.

– Добрый вечер, – сказал Урмас смущенно.

Участковый не ответил, лишь слегка приподнял веки и своими черными бесцеремонными глазами в упор принялся разглядывать его.

– Ты где был? – спросил он, дождавшись, когда учитель встанет на некотором расстоянии, в неловком скованном положении...

– Я обязан вам докладывать? – разозлился на свою податливость Урмас. Прошел, включил лампу, стал убирать книги со стола.

– Ты где был сегодня в два часа? – нехорошо смягчив голос, спросил Казарбаев.

– В два часа я разговаривал с вашим Евгением Михайловичем.

– Это вчера, где ты сегодня шляется, почему не явился по повестке?

Урмасу мгновенно стало нехорошо.

– Так сегодня...

– Седьмое июля, – насмешливо подсказал участковый, приподнимаясь. – Вот что, паренек... Завтра в двенадцать к Шишкову. И смотри за календарем, а то можем и под конвоем... И сегодня бы тебя достали, да жалко из-за такого сопляка машину гонять...

– И вот еще, – у самого порога сказал милицейский, Урмас подавленно следовал за ним, покорно проглотив «сопляка», – я разговаривал с твоей хозяйкой... характеризуюсь неплохо, но баб больше не води...

Сказал, скользнул по нему черным нечитаемым взглядом и вышел...

«А круг, кажется, сужаться начинает...» – обречено подумал Урмас, повалившись на койку.

Отдохнуть не смог. В оконце деликатно стукнули, и немного позже вошел тщедушный пожилой мужичок в черном, тщательно отутюженном костюме. Его смуглое татарское лицо с черными неопрятными бровями излучало некоторое смущение и полную благожелательность.

– Здравствуйте, Гадий Алексеевич, – поднялся Урмас.

– Управился по хозяйству, уложил детей и думаю, к какому очагу приткнуться? – все это гость проговорил быстро, непрерывно осматриваясь, и, без всякого сомнения, был сильно пьян.

Наступила томительная пауза, во время которой Урмас соображал, что бы такого сказать, ибо о своем соседе, который помог ему пристроиться к Лайковой, знал немного: его бросила жена с двумя дочками, работает он на довольно сложной должности в местном отделении Госбанка, и вид его совершенно не говорит о двух полученных им высших образованиях...

Гадий Алексеевич, тоже не найдя что сказать, махнул рукой и вытащил мутную бутылку из-под лимонада, заткнутую газетным кукишем.

Урмаса передернуло, но, боясь поставить соседа в совсем неловкое положение, он вынес на стол два стакана и смущенно признался, что закусить нечем.

– Да ладно, – отмахнулся тот. – Ты чего мне не сказал, что голодаешь, мяса бы принес, сметаны, молока – у нас все дармовое... что-то из совхоза клиенты подвезут, что сам в сарае сделаешь... – выпил сразу, не дожидаясь Урмаса, который едва отпил глоток...

– Что новенького молодежь расскажет? – проговорил он, закуривая беломорину.

Все действия ему приходилось совершать очень тяжело, поскольку вместо левой руки у него был протез с металлическим крюком. В первый раз, когда он закуривал при Урмасае, тот попытался ему помочь, но нарвался на такой ненавидящий взгляд, что теперь лишь отворачивал глаза от его специфических движений...

– Слышал, че делается? Девчонка пропала... Тар-тары обыскали – нет. Где еще молодежь перед экзаменами пропадает? На дамбе, озеро наше местное, воды там по шейку. Вызвали аквалангисток из области – и туда. Говорят, сидела под водой на корточках, блузка на ней порвана, а полголовы страшным ударом разрублено... Кто? Зачем?

Урмас примерился к стакану ужаснейшей самогонки, но все же не выпил.

– Он не знает, ты не знаешь, а кто знает? Я знаю – Гадий Алексеевич! И любой знал, если бы «Науку и жизнь» любил внимательно читать... А там вот что написано... я популярно объясню... К примеру: собирает хозяйка на стол. Салфеточки, грибочки, огурчики соленые... вилки там, стаканы... И кто-то кладет прямо посередине стола грязное свиное копыто – оно как, в глаза бросаться будет? Будет! А если покладут, скажем, вместо «Пшеничной» бутылку шотландского виски или какое-нибудь бургундское... а? Как это будет сочетаться?

Гадий Алексеевич совсем не пьяно оглядел слушателя и остался им недоволен.

Урмас явно мучился, сидя на жестком стуле и с тревогой отшатываясь от стакана самогона...

Оратор уныло и с долей брезгливости посмотрел на него, и в это время ненавидное оконце снова задрезжалось от удара.

Урмас сжался... и почти вслед за стуком торопливо вошла шальная Нинель в светлом летнем плаще нараспашку.

– Кого я вижу! – усмехнулась она, небрежно кивнув инвалиду, и обращаясь к Урмасае: – Раствитель малолетних запивает свое горе стаканами водки... Фу, да это самогон!

Сосед смутился, сгорбился.

– Пойду я, – смущенно сказал он. – Заговорил вас...

Поднялся, все как-то с неохотой. У выхода все же не стерпел и шепнул Урмасае:

– Плохо. Очень плохо, когда на столе вместо нашей водки бургундское стоит... Не надо так делать. Не советую... И ей скажи...

– Не буду, – легко согласился Урмас. С облегчением заперев за ним сени, вернулся и попытался открыть форточку или само окно. Пожухлая краска спеклась в щелях, дерево рамы крошилось под пальцами, и от досады он чуть не выбил стекла...

– Оставь! – попросила Нинель. – В этой комнате надо аквалангистам жить, для тренировок. Набрать на улице свежего воздуха – и сюда... Кто меньше протянет, того в шею гнать.

Урмас резко обернулся. Краснота полосой шла по его лицу.

– Почему я должен жить как аквалангист? Почему я должен выбивать это окно, когда оно должно легко открываться? Зачем я примерно сижу, хожу, разговариваю, спрашиваю и отвечаю в том месте, в котором я себя никогда не представлял? Почему ко мне и без моего спроса приходят люди, которых я не хотел бы видеть и в страшных снах?

Урмас запнулся, потому что Нинель беззвучно смеялась.

– Ежик. Иголками внутрь, – сказала она, подошла и с необыкновенной мягкостью взъерошила ему волосы на затылке. Неведомое тепло пронизало Урмаса от макушки до пят. Даже болезненное подергивание в правом виске утихло...

Она тут же неприятно дернула его за ухо:

– Не кричи. Я сама легкая на крик. Мне даже кажется, что умру я так: вскрикну – и вся моя жизнь через этот крик и улетит...

– Нин, иди домой, я устал.

– Ладно. Как скажешь, начальник.

Он помог ей одеться.

– Тебя проводить?

– Чего это ты спросил? Не надо... До завтра.

Ох, сделать бы так, чтобы очень долго не наступало завтра. Или наступило бы, но другое завтра...

Сполоснул в ведре стаканы, убрал со стола. Выдвинул из-под кровати чемодан, сложил вещи. Настольная лампа никак не помещалась, и пришлось её сунуть в сетку с продуктами.

Поезд на Кустанай следовал через Тар-тары без пятнадцати час. Урмас вышел в начале первого. Но сначала он захотел взглянуть на таинственную, постоянно следящую за ним Лайкову. Подошел к её комнате, постоял, прислушался – обычных непонятных бессмысленных звуков не было, и он решил слегка приотворить дверь. Поднажал коленом, дверь поехала, и в образовавшуюся щель на него снизу, чуть ли не с самого пола, посмотрели два круглых светящихся глаза. Он отпрыгнул, схватил чемодан и побежал к выходу – проклятое ведро опять наскочило на него и зазвенело, задребезжало, казалось, на весь поселок. Оглянулся – за ним по полу бежал кто-то тяжелый, низкий, неповоротливый, издавая знакомые всхлипы и бормотанье... Кожа его вмиг обледенела, он выскочил из сеней, гигантскими прыжками пересек двор и только на ярко освещенной улице встал и снова оглянулся.

Конечно, все это ему почудилось: ни звука, ни ветра; под звездным сиянием блестел мусор во дворе, колодец открыт, на его поверженной крышке красовалась, при этом освещении как новенькая, женская туфля с раздавленным носком; недвижный тополь с голой, остекленевшей верхушкой... все видно как днем, только резче, отчетливей...

Он пошел к железнодорожной станции, удивляясь, что не мог додуматься уехать раньше. Каких-то три-четыре часа, и он будет за сотни километров от этой белиберды. Час, другой, и начнут исчезать Казарбаевы, Аманжоловы, белоглазые капитаны, сумасшедшие жены, любящие при нем раздеваться догола; эта пыль и сковородочная жара – Урмас торопливо, будто убивая в себе, перечислял предметы, живое и неживое, встреченное им в Тар-тарах.

Он почти заканчивал переулок, выводящий на привокзальную улицу, когда увидел две ожидающие его фигуры. Замедлил шаг, растерянно оглядываясь по сторонам. Они же пошли навстречу...

Два казаха, немного старше его. Один почти трезвый, хитро и дружески улыбается... другой вперил в Урмаса невменяемо пьяный взгляд и с размаху ударил ему в грудь растопыренной пятерней:

– Тормози, земляк. Разбираться будем... Я тебя, знаешь, как сейчас урою?

Урмас, прикрываясь чемоданом, отступил, пока другой силился справиться с пьяным, хватая его за руки и приговаривая:

– Кончай, Енбек, хорош выделяваться.

– В землю закопаю, экинаусегин... – не сдавался тот, вырываясь...

– Земляк, – шепнул Урмасу трезвый, – он не успокоится. У тебя есть какие-нибудь деньги? Ну, там пять-десять колов?

Он притиснул дружка к изгороди, заговорил ему что-то на своем...

– Давай быстрее, а то я его не удержу!

Урмас зажал коленями чемодан, торопливо распечатал кошелек, достал червонец, протянул...

– Вишь, Енбек, земляк путевый попался, не хочет тебя обидеть... – уговаривал речистый, выхватывая деньги, – еще давай, ну! – прошипел он Урмасу, который покорно достал еще десятку, еще пару трешниц...

– А теперь, кет отсюда, пока я его держу... бегом!

Урмас миновал их, но переулок был настолько узок, что пьяный как-то бурно рванулся и ударил его по колену ботинком...

Прихрамывая, он подходил к вокзальчику. Времени еще достаточно, чтобы спокойно купить билет и сплунуть на прощанье на тар-таринскую землю.

Счастье, что подходил он со стороны кустистого палисадника – его не увидели, зато он прекрасно разглядел на перроне рослого молодого паренька в милицейской форме, с казачьим чубом из-под еле державшейся на затылке фуражке. Попыхивая сигаретой, милиционер смотрел прямо на Савойского, но видеть его за кустами не мог.

«Если бы меня сейчас взяли, – с трепетом думал Урмас, тихим шагом уходя от железной дороги к шоссе, – мне бы оставалось только признаться в этом чудовищном деянии и надеяться на милость советского правосудия... Господи, какие глупости! И все не в шутку, и все всерьез...»

Шоссейная трасса, вытекавшая из Аркалыка, огибала Тар-тары и уходила на север, в города, где солнце не убивало, а смеялось, где часто шли шумные расточительные дожди, где из каждой тысячи встреченных тобой прохожих никто не знал и знать не мог тебя...

3

В пятом часу утра с восточных степей стали наплывать на Тар-тары огромные серые тени. Они светлели, скорость их передвижения увеличивалась и, наконец, там, откуда они бежали, высветилась по горизонту ослепительно-розовая черта... звезды бледнели, но все же виделись хорошо и крупно. В центре розовой линии блеснуло нестерпимо алым, и солнце взлетело оттуда сразу на полкруга и сразу раскаленное по-дневному.

Миша Барыкин встретил рассвет, стоя во дворе перед бочкой с прохладной зеленоватой водой, куда энергично окунал свою не выпавшуюся голову.

Пораньше встать пришлось из конспирации: он собирался выписать на бумажку все до последнего вопросы, которые будет задавать сегодня Сергей Николаевичу, выучить их наизусть, а бумажку эту секретно уничтожить. Не мог он еще, как Владимиров, держать в голове и шифровки из Центра, и развернутые досье на противников, да еще из всего этого составлять сложнейшие комбинации...

Спрятал под поясную резинку трико бумажку и шариковую ручку, подхватил два приготовленные с вечера ведра с запаренной пшеницей и направился в сарай. Расплескал по кормушкам, беловолосые сонные звери повскакали с подстилок, зачавкали...

Вышел в предсарайник, присел на перевернутое корыто так, чтобы дырка в дощатой стене позволяла просматривать крыльцо и входную калитку, расправил листок на колене и первым записал вопрос такой: «Моя роль в современных контрразведывательных процессах, происходящих на территории Тар-таринского района?» Подумал, вычеркнул «современных» – и так ясно, потом еще подумал и выше написал: «Контрразведывательные процессы, происходящие на территории Тургайской области (в общих чертах) и на территории Тар-таринского района (конкретно)...»

А уж потом спросим про свою роль...

Урмас вернулся. На цыпочках миновал сени, осторожно вложил чемодан под кровать...

Дел на сегодня предстояло достаточно. Судя по тому, что и у выезда из поселка стояла милицмейская машина, на него в местном РОВД возлагали большие надежды.

Чепуха, мания преследования... И на вокзале, и на выезде милиция могла оказаться «для совершения оперативно-розыскных мероприятий». И участковый обязан навестить его – шутка ли, не явиться по повестке! Улик у них на него не было. Одни догадки, наверное: её классный руководитель, сразу после убийства собирался выезжать, не явился на допрос, хотя тут он может сослаться на Первого комсомольца, а если еще за ним следила неведомая Лайкова, то она без всякого подтвердит, что и в день убийства несчастной, и в последующие он находился дома... А еще Нинель! Вот кто с ним проводил почти все вечера... Кстати, с чего это ему показалось, что вчера при его непродуманном инстинктивном бегстве за ним кто-то гнался, да еще вроде бы мистического облика? Пора всерьез познакомиться со своей хозяйкой...

Урмас решительно подошел к её двери и постучал:

– Извините, пожалуйста, это вас квартирант беспокоит...

Ничего. Слышно как за дверью взлетают и бьются о стекла тяжелые мухи.

«Шестой час. Обычно старушки уже не спят...»

– Я хотел бы с вами поговорить!

Не было даже обычных звуков, так беспокоивших Урмаса. Один запах, едкий, непереносимый, схожий с запахом гниющей картофельной шелухи, пробивался с под-низу...

«Черт с ней. Дел больше что ли у меня нету...»

Он прилег на койку. Хлопотная бессонная ночь сказалась на нем даже положительно – он приобрел нечастую для него способность к таким суждениям, которые не принимали во внимание ничьи эмоции, ни собственные, ни чужие...

В Тар-тарах, как ему известно, проживает не более двух тысяч человек. Ему понадобится не более трех дней, чтобы конкретно определить вероятного насильника Гамлетдиновой. Если, конечно, в это дело не замешан кто-то из проезжих. Так что он совсем не врал Диману, когда говорил, что знает, кто и почему мог пойти на убийство. Почти любое насилие, особенно крупное, можно расшифровать, не сходя с этой кровати и не пользуясь никакой дополнительной или труднодоступной информацией. Если даже в мировой литературе сюжетов раз-два и обчелся, то почему при убийстве их должно быть множество? Много загадок в детективных романах, но только потому, что авторам платят именно за хитроумность...

Разберем элементарную статистику. Семьдесят процентов убийств совершается лицами, которые в той или иной степени знакомы со своими жертвами. Остальные проценты делятся почти поровну между убийствами из-за внезапно вспыхнувших ссор и убийствами случайными...

Урмас вскипятил воду, заварил индийского чаю... надо бы закупить его и маме послать... Тщательно протер клеенку стола, хотя от этого она не стала меньше липнуть... Задернул шторы на окне – солнце, так им прежде любимое в Уральске, теперь вызывало у него раздражение и головную боль...

Случайных и незнакомых Галинке людей уберем сразу. С ними девчонка не поехала бы на дамбу. Дело это вообще простое и никаких серьезных интеллектуальных затрат не требующее. С кем можно поехать на дамбу, то есть купаться, шутить, ходить полуобнаженной? Да поехать в то время, когда там никого не бывает? Конечно же, со своим ухажером! А у любой красавицы, если она не шлюха, их количество ограничено... И знала она своего друга достаточно долгое время. Остается узнать круг её кавалеров...

Урмас поднялся, сделал пару физзарядочных движений – нога по-прежнему прихрамывала. Сам виноват, дать им надо было, как следует, не ползали бы в следующий раз по переулкам... Неприятно на душе, но привычно неприятно, поскольку Урмас знал о себе достаточно, чтобы не приходить от таких поводов к яростному самобичеванию. Причем тут трусость? Что теперь, проводить время в спортзалах, качая мышцы, то есть строить свою жизнь, исходя из наличия всяких тварей? Пошли они все...

Слушай, друг, ты здорово отвлекся. У кого ты собираешься вызвать круг Галинкиных приятелей? А? Да что ты вообще можешь спросить, когда пол Тар-тар уверено, что ты и есть тот насильник?

Урмас присел. Странное оцепенение овладевало им: мысли прекращались, тело замирало – чужое, обездвиженное...

И у вечности есть конец. Сегодня, как и три дня назад, неизвестно откуда материализуется его добрый ангел-наставник, в телефонной трубке безупречно вежливый голос скажет, где и во сколько... Боже, какие перспективы могли развернуться перед ним в случае зачисления его в невидимые ряды сотрудников контрразведки!

Об этом Миша передумал не один час. Он не был таким наивным, каким иногда казался своим собеседникам. К примеру, знал о том, что в невостребованном роднике вода мутнеет; интеллектуальный мир вокруг беден и нищ, и какими бы он способностями ни обладал, зачахнет быстро и безнадежно среди этих «весенних линеек готовности сельхозтехники», «вестей с уборки», с этой прожорливой рубрикой «Коммунисты 80-х»... Это сейчас ему трудно гнать ежедневно по сто пятьдесят строк текста, держать в голове текущие производственные проблемы и райцентра, и всех девяти совхозов – начиная от «Тар-таринского»,

чьи земли начинались сразу же за элеватором, до РСХО им. Чапаева, до которого ехать при хорошей погоде все четыре часа...

А потом? Когда все устоится в голове, когда мысли и строчки ходко пойдут по одной и той же колее, что тогда?.. Тогда сколько-нибудь значительных усилий от его ума и сердца не потребуется и наступит обыкновенная, ничем не примечательная творческая смерть...

Барыкин поразился, как много мыслей пришло ему в голову, пока он шел какие-то сто метров от своего дома до редакции.

И дойти не успел – синяя «нива», стоявшая рядом с домиком прокуратуры, поехала и перегородила дорогу горячим лоснящимся боком.

– Что дальше? – высокомерно спросил корреспондент её водителя, Вову Баскакова по кличке «Барчук». С ним он учился в десятом классе. Выглядел тот, как всегда, пижоном, но не будь Миша озабочен сегодняшней встречей, он бы точно поразился суетливости его движений, всегда ленивых и самоуверенных – Барчук постоянно двигался с таким видом, словно делал большое одолжение окружающим.

– Мишань, ты чего, зазнался? Машу, машу тебе... – Барчук снял темные очки, в которых подозрительно смахивал на зарубежного агента, торопливо выхватил из бардачка пачку неведомых Барыкину импортных сигарет и сунул ему:

– Угощайся!

– Не курю, – отрезал Миша, поколебался секунду, вытащил одну. – Угостить надо кое-кого...

– Слышь, наверху вы больше знаете... – Барчук все-таки догадался выйти из машины. – Говорят, статью будут писать о Галке?

Барыкину стало неудобно за свою суровость – он вспомнил, что последние тар-таринские новости утверждали, что Барчук, женившийся в шестнадцать лет и имевший двоих малышей, крутил большую любовь с Гамлетдиновой и ради неё собирался на развод...

– Нет, Вова... я бы первым узнал, так как курирую правоохранительные органы... и потом, мы не имеем право до суда писать об этом...

– Конечно, не имеем... – подхватил преданно Барчук. – А то как наведете сплетню в своем листке, не отмоешься.

– Во-первых, не листок, а орган Тар-таринского райкома партии, во-вторых, газета публикует только проверенные факты... – возмущенно отреагировал Барыкин. – Иди, катай своего босса...

И с как можно более высокомерным видом двинулся к своей конторе. «Посочувствуй этим идиотам – мигом в душу наплюют...» Не любил он Барчука, племянника начальника уголовного розыска, сильно не любил...

На этот раз секретному агенту КГБ СССР не пришлось петлять по райцентру, отрываясь от возможного соглядатая, – Сергей Николаевич ждал его возле Дома культуры с прежним своим изрядно потертым портфелем.

Увидев Мишу, он едва заметно кивнул ему и легким упругим шагом направился вниз по улочке, к «Казсельхозтехнике».

«Как идет! – восхищался им Барыкин. – Шаг мягкий, расслабленный... ступни приподнимаются ровно на столько, на сколько необходимо... Они же массу приемов знают... шею, наверное, так быстро свернет, что мявкнуть не успеешь». Он попытался изобразить точно такой же шаг, но зачистил, сбился и чуть не упал...

Офицер вошел в стеклянный вестибюль административного здания... немного погодя вошел туда и Барыкин, с чересчур приветливой улыбкой раскланиваясь со встречающимися знакомыми. На втором этаже из одного кабинета ему махнули рукой, и Миша влетел туда...

– День добрый! – радушно поздоровался с ним Наставник, усаживаясь за один из канцелярских столов.

– Здравствуйте! – выпалил шепотом Михаил и сразу начал: – Мне так много пришлось передумать за эти дни, что я решил задать вам очень серьезные вопросы, которые тут, – Миша показал пальцем себе в голову, – попытался сформулировать...

Сергей Николаевич сочувственно подмигнул:

– Непривычно, да?

– Что? – не понял Миша.

– Много думать? – и они оба расхохотались.

– Шучу. Работа у тебя сложная, думающая, – сказал Наставник, – сотни имен, фамилий приходится запоминать... Ты стенографией владеешь?

– Нет, но мне наш ответсек, Геннадий Палыч, очень удачную систему показал: часто повторяющееся слово обозначаешь какой-либо буквой или знаком, и пользуешься им. Деловая речь почти вся из штампов состоит...

Сергей Николаевич был тем удивительным человеком, беседовалось с которым необыкновенно легко. Свою точку зрения не навязывал, перебивал мягко и еле заметно именно в тех местах, где и сам Миша чувствовал, что заговорился и повторяется... Они побеседовали, как потом высчитал Барыкин, два часа тридцать восемь минут, и ни разу у них не возникало досадных пауз, во время которых собеседники мучительно отыскивают темы для продолжения... Миша рассказал о себе почти все сколь-нибудь, на свой взгляд, значительное, с радостью видя, что и Наставнику это чрезвычайно интересно...

Оборвал их телефонный звонок. Начинаящий конспиратор с испугом увидел, что Сергей Николаевич мгновенно поднял трубку...

– Этот номер я оставил для связи, – понимающе пояснил он.

Выслушал с легким вниманием. И с сожалением сказал Мише:

– Извини, я должен идти.

– Да, понимаю, я и так столько времени у вас отнял, – смущенно залепетал корреспондент.

– Это было время для тебя, – со значением сказал Сергей Николаевич. – Я думаю, что следующий разговор будет уже конкретен, и ты получишь ответы на те вопросы, которые очень серьезно тут, – он показал на Мишину голову, – сформулировал.

Урмас еле поднялся с кровати – двигаться было так трудно, что, казалось, ему сознательно приходится управлять своими мышцами. От сидения в душном неподвижном воздухе кожа настолько пропиталась едким потом, что при резком движении, наверное, ползет с него клочьями...

Он знал, что воду в хозяйкин колодец не завезли, и тем более неотвязчивым было представление, как он окатывается из ведра... холодная речная вода бьет сверкающей дробной массой ему в голову, плечи, грудь... Еще лучше очутиться летним пасмурным днем на затемненной уральской улочке и брести под неспешным мелким дождичком... смотреть, как проезжают машины – красные, зеленые, чистенькие, как новенькие детские игрушки...

В умывальнике было немного воды, почти горячей, с блестками алюминиевых чешуек. «Совсем расклеился, – с жалостью к себе подумал Урмас. – Хотя еще ничего опасного для меня не произошло и не происходит, ничего, заметь... Только эта глупая подписка о невыезде. Надо зайти к начальнику РОВД, нет, лучше к прокурору, и досконально выяснить... Необходимо зацепиться за любое решение, а то расползусь весь...»

На улице оказалось еще жарче, чем можно было представить в хозяйкиной конуре. Он не успел дойти до школы, как уже носом пошла кровь. Правда, унялась быстро, даже не запачкался... платок, как всегда, остался в чемодане, вытираться пришлось подобранным клочком газетной бумаги, пожелтевшей, ломкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.